

Пропаганда в вооружённом конфликте: Анализ правовой неопределённости и роль общества

Изабель Леттнер

*Европейский центр исследований в области безопасности им. Джорджа Маршалла, Гармиш-Партенкирхен, Германия,
<https://www.marshallcenter.org/en>*

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос о том, можно ли считать гражданских лиц, занимающихся распространением пропаганды, непосредственными участниками военных действий. Основное внимание уделяется пробелам, возникающим в связи с отсутствием положений международного права, регулирующих использование пропаганды во время вооружённых конфликтов. Утверждается, что классификация пропаганды имеет важное значение, учитывая растущее использование вредоносной цифровой информации. Пример украинских кампаний стратегической коммуникации иллюстрирует скользкую дорожку, создаваемую легкодоступными платформами социальных сетей, и опасность, исходящую от гражданских лиц, ведущих эти так называемые «кампании стратегической коммуникации». В исследовании рассмотрено применение принципа различия и понятия непосредственного участия к украинским гражданским лицам. В статье показано, что при анализе применимой правовой базы, касающейся распространения пропаганды, существует множество серых зон. Исследование заканчивается выводом, что гражданские лица, распространяющие пропаганду, не подпадают под определение непосредственных участников военных действий, поскольку не выполняется тройной тест Международного комитета Красного креста.

Ключевые слова: пропаганда, дезинформация, гражданские лица, прямое участие, различие, вооружённый конфликт, Украина, русско-украинская война, социальные сети.

Вступление

Пропаганда на протяжении всей истории служит методом формирования общественного восприятия и нарративов. Как отмечает доктор Рэймонд Додж, «пропаганда того или иного рода, несомненно, так же стара, как и человеческое общество».¹ При отсутствии прочных связей с природой и обществом люди часто испытывают пустоту и ищут смысл, присоединяясь к более крупным сообществам. Такой поиск цели может привести к личному или общественному кризису, когда люди сталкиваются с кажущейся ничемностью своего существования. Пропаганда эксплуатирует человеческое желание принадлежности и значимости, нередко заставляя людей охотно поддаваться внушению.²

Во время Второй мировой войны стратегическое использование пропаганды наглядно продемонстрировало её способность влиять на общественное мнение и формировать нарратив вокруг вооружённых конфликтов. Одним из знаковых примеров стал плакат «I want YOU» с изображением Дяди Сэма, который активно призывал записываться в армию США.³ Дядя Сэм, олицетворявший американское правительство, побуждал глубокое чувство долга и причастности, выражаемое в его прямом обращении и подчёркнутом жесте в сторону зрителя.⁴ Тщательно подобранные цвета, лозунги, цитаты и общественные настроения подчёркивали превращение политической пропаганды в процветающую индустрию военного времени.⁵ Но пагубное воздействие силы убеждения, часто именуемое «бумажными пулями», оказалось почти столь же опасным, как реальное оружие.⁶ Это признание вызывает серьёзные вопросы о нормативной базе, регулирующей использование пропаганды, особенно в рамках международного права. Предлагает ли международное гуманитарное право (МГП) принципы, правила и нормы контроля распространения пропаганды или её целевой аудитории? Какие меры защиты, если таковые имеются, могут оградить гражданских лиц от влияния пропаганды? Способствуют ли гражданские лица её невольному распространению, становясь жертвами её тонкого очарования? Решение этих вопросов требует исследований на стыке пропаганды и правовых

¹ Raymond Dodge, "The Psychology of Propaganda," *Religious Education* 15, no. 5 (1920): 241-252, <https://doi.org/10.1080/0034408200150502>, 241.

² Alexander V Laskin, "Defining Propaganda: A Psychoanalytic Perspective," *Communication and the Public* 4, no. 4 (December 2019): 305-314, <https://doi.org/10.1177/2057047319896488>, 310.

³ "We Want You!" *Nabb Research Center Online Exhibit*, по состоянию на 25 февраля 2024, <https://libapps.salisbury.edu/nabb-online/exhibits/show/propaganda/flag-waving/we-want-you->.

⁴ "We Want You!"

⁵ "Powers of Persuasion," *National Archives Online Exhibits*, по состоянию на 25 февраля 2024, <https://www.archives.gov/exhibits/powers-of-persuasion>.

⁶ Leo J. Margolin, *Paper Bullets: Psychological Warfare in World War II* (Barajima, Japan: Barajima Books, 2020).

норм, особенно в контексте вооружённого конфликта и гуманитарных соображений.

Прежде чем углубиться в тему этой статьи, необходимо чётко определить главные термины. Введение в заблуждение, дезинформацию, пропаганду и информационную войну часто путают, но они несут разные смыслы. *Введение в заблуждение* означает непреднамеренное распространение неверной информации.⁷ В этом случае целью является не обман, а распространение утверждения, противоречащего проверяемым фактам, которое люди часто распространяют ошибочно.⁸ Согласно статье 37(2) Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. (API), введение в заблуждение считается допустимой в войне хитростью. «Таковыми хитростями являются действия, направленные на то, чтобы ввести противника в заблуждение или побудить его действовать опрометчиво, но которые не нарушают каких-либо норм международного права, применяемых в период вооружённых конфликтов, и которые не являются вероломными, поскольку они не обманывают доверие противной стороны в отношении защиты, предоставляемой эти правом».⁹

Дезинформация же — это преднамеренное распространение ложной или вводящей в заблуждение информации.¹⁰ Согласно статье 37(1) API, дезинформацию можно назвать вероломством, определяемым как «действия, направленные на то, чтобы вызвать доверие противника и заставить его поверить, что он имеет право на защиту или обязан предоставить такую защиту согласно нормам международного права применяемого в период вооружённых конфликтов, с целью обмана такого доверия».¹¹ Согласно международному гуманитарному праву (МГП), такие действия строго запрещены.

Термин *пропаганда*, часто используемый взаимозаменяемо с введением в заблуждение и дезинформацией, не поддается точному определению и несёт негативную коннотацию. На Конференции правительственных экспертов 1947 года обсуждалось использование пропаганды для подрыва морального духа военнопленных,¹² однако многие участники сочли опре-

⁷ International Center for Not-For-Profit Law, “Legal Responses to Disinformation,” ICNL, по состоянию на 25 февраля 2024, <https://www.icnl.org/wp-content/uploads/2021.03-Disinformation-Policy-Prospectus-final.pdf>, 2.

⁸ ICNL, “Legal Responses to Disinformation.”

⁹ International Committee of the Red Cross (ICRC), *Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and Relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I)* [AP I], adopted June 8, 1977, 1125 UNTS 3, entered into force December 7, 1978, Art. 37(2), https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/en/assets/files/other/icrc_002_0321.pdf.

¹⁰ ICNL, “Legal Responses to Disinformation,” 2.

¹¹ ICRC, *Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949*, Art. 37(1).

¹² Eric De Brabandere, “Propaganda,” in *Max Planck Encyclopedia of Public International Law* VIII, ed. Rüdiger Wolfrum (November 2012), 507-519, <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e978>.

деление этого термина слишком сложным для включения в Женевские конвенции.¹³ Хотя МГП изначально не запрещает пропаганду, Министерство обороны США относит её к психологическим операциям, определяя её как «любую форму обращения противника, особенно предвзятого или обманчивого характера, призванную повлиять на мнения, эмоции, установки или поведение какой-либо группы с целью получения выгоды её организатором, прямой либо косвенной».¹⁴ В то же время Таллиннский справочник – инструмент мягкого права, регулирующий кибервопросы и войну – предусматривает, что «психологические операции, такие, как разбрасывание листовок или ведение пропагандистских трансляций, не запрещены, даже если их целевой аудиторией являются гражданские лица».¹⁵

Наконец, термин *информационная война* часто неправильно используют в интернете для привлечения внимания. Согласно МГП, чтобы классифицировать действие как войну, оно должно повлечь физические последствия, эквивалентные нападению.¹⁶ Поэтому такие действия могут потенциально классифицироваться как акт войны лишь в том случае, если информационные технологии, используемые в кибероперации, прямо или косвенно наносят физический ущерб.¹⁷

Российские кампании дезинформации

Суть этой статьи касается распространения пропаганды гражданскими лицами во время вооружённых конфликтов. Но прежде чем углубиться в эту тему, необходимо отметить угрозы, создаваемые кампаниями дезинформации. Учитывая тонкую и сложную природу пропаганды, часто стирающую грань между введением в заблуждение и дезинформацией, важно показать разнообразные примеры этих так называемых «методов стратегической коммуникации». Если говорить о Черноморском регионе, то использование Россией дезинформации представляет значительную угрозу безопасности евроатлантических стран, причём кампании стратегически разработаны так, чтобы сеять раздор, провоцировать беспорядки и углублять разногласия в

¹³ Brabandere, “Propaganda.”

¹⁴ U.S. Department of Defense, “Psychological Operations,” Joint Publication 3-13.2, January 7, 2010, <https://irp.fas.org/doddir/dod/jp3-13-2.pdf>.

¹⁵ Michael N. Schmitt, ed., *Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations*, prepared by the International Groups of Experts at the Invitation of the NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence (Cambridge University Press, February 2017), <https://www.cambridge.org/us/universitypress/subjects/law/humanitarian-law/tallinn-manual-20-international-law-applicable-cyber-operations-2nd-edition>, Rule 93, Para 5.

¹⁶ “Cyber Warfare,” *Online Casebook (ICRC)*, по состоянию на 25 февраля 2024, https://casebook.icrc.org/a_to_z/glossary/cyber-warfare.

¹⁷ “Cyber Warfare.”

обществе, всё это – с целью ослабить страны НАТО.¹⁸ Кроме того, Россия преследует цели дискредитации и подрыва легитимности демократических институтов, тем самым бросая вызов основополагающему принципу свободы выражения.¹⁹ Распространение дезинформации ещё больше усугубляет эту проблему, переполняя каналы общения ложными нарративами.

Показательным примером является вторжение России в Украину в феврале 2022 года, когда за две недели было распространено более 1600 дезинформационных сообщений в попытке деморализовать украинцев и оправдать незаконное вторжение.²⁰ Несмотря на эти усилия, ряд факторов смягчили их предполагаемое воздействие на украинское общество. Первоначальное отрицание Кремлём планов вторжения ослабило доверие к его последующим нарративам.²¹ В результате и Украина, и её западные союзники смогли обоснованно осудить незаконность и жестокость вторжения. Более того, предыдущее воздействие российской дезинформации на Украину, особенно после оккупации Крыма в 2014 году, помогло повысить устойчивость благодаря реализованным инициативам по повышению медиаграмотности.²²

За пределами Украины российские кампании дезинформации охватили весь Черноморский регион, особенно Румынию и Молдову. В Румынии более 55 % граждан подверглись воздействию российской дезинформации в 2021 году – ошеломляющая цифра, показывающая всепроникающее влияние этих кампаний.²³ В ноябре 2022 года Россия прибегла к энергетическому шантажу Молдовы, через государственную энергетическую корпорацию «Газпром» обвинив Украину в препятствовании поставкам 52,52 млн. кубометров газа в Молдову.²⁴ Кроме того, Кремль распространял воин-

¹⁸ Rodrigue Demeuse, “The Russian War on Truth: Defending Allied and Partner Democracies against the Kremlin’s Disinformation Campaigns,” General Report (NATO Parliamentary Assembly, Committee on Democracy and Security, October 2023), 1, www.nato-pa.int/document/2023-russian-war-truth-report-garriaud-maylam-014-cds.

¹⁹ Demeuse, “The Russian War on Truth.”

²⁰ Demeuse, “The Russian War on Truth,” 8.

²¹ Kateřina Fridrichová, “Mugged by Reality: Russia’s Strategic Narratives and the War in Ukraine,” *Defense & Security Analysis* 39, no. 3 (2023.): 281-95, <https://doi.org/10.1080/14751798.2023.2201018>, 281.

²² Demeuse, “The Russian War on Truth,” 9.

²³ INSCOP, “Capitolul 4: Dezininformare, propagandă, știri false, încrederea în surse de informații”, *INSCOP Research*, 31 martie 2021, <https://www.inscop.ro/31-martie-2021-capitolul-4-dezininformare-propaganda-stiri-false-increderea-in-surse-de-informatii/>.

²⁴ EuropeLibera, “Gazprom acuză Ucraina că fură gazele destinate Moldovei și amenință că va reduce livrările”, *Europa Libera*, 22 noiembrie 2022, <https://moldova.europalibera.org/a/gazprom-acuză-ucraina-că-fură-gazele-destinate-moldovei-și-amenință-că-va-reduce-livrările-/32142927.html>.

ственные нарративы о возможной военной интервенции Молдовы, Украины и НАТО в Приднестровье.²⁵

Наконец, подлое использование Россией дезинформации становится серьёзной угрозой стабильности и безопасности целевых обществ, влияя на геополитику. Несмотря на организованные усилия, примером которых стало вторжение в Украину в 2022 году, устойчивость целевых групп населения в сочетании с международным осуждением смягчила предполагаемые последствия российских кампаний дезинформации. Тем не менее постоянное распространение ложных нарративов подчёркивает постоянную необходимость надёжных инициатив по повышению медиаграмотности и усилению международного сотрудничества для противодействия распространению дезинформации в цифровую эпоху. Что ещё более важно, по мере того, как мы переходим к обсуждению распространения пропаганды, опасность кампаний дезинформации и вытекающие из них угрозы, отмеченные ранее, показывают настоятельную необходимость для международного сообщества всесторонне проработать законы, касающиеся пропаганды.

Виды пропаганды

Условно можно считать, что существует четыре вида пропаганды, каждый из которых служит определённым целям и несёт разные последствия.

Подрывная пропаганда направлена на дестабилизацию государственных институтов путём побуждения граждан другого государства к восстанию, мятежу или гражданской войне.²⁶ Принцип суверенного равенства государств, закреплённый в обычном международном праве, подчёркивает обязанность государств воздерживаться от вмешательства во внутренние дела других государств.²⁷

Клеветническая пропаганда представляет собой словесные нападки на иностранные государства и их должностных лиц.²⁸ Этот вид пропаганды направлен на то, чтобы очернить репутацию и авторитет объекта, часто будучи инструментом дипломатической или политической манипуляции.²⁹

Пропаганда дискриминации и ненависти может включать подстрекательство к международным преступлениям, таким, как геноцид и преступления против человечности. Статья III Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него объявляет преступным «прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида» и осуждает соуча-

²⁵ Digital Forensic Research Lab, "Undermining Ukraine: How Russia widened its global information war in 2023," *Atlantic Council*, February 29, 2024, www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/report/undermining-ukraine-how-russia-widened-its-global-information-war-in-2023/.

²⁶ Brabandere, "Propaganda," 509.

²⁷ Brabandere, "Propaganda."

²⁸ Brabandere, "Propaganda," 510.

²⁹ Brabandere, "Propaganda."

ствие в геноциде.³⁰ Причём пропаганда дискриминации шире подстрекательства к геноциду, она затрагивает более широкие вопросы расовой и религиозной дискриминации.³¹

Подстрекательство к терроризму, относящееся к категории пропаганды дискриминации и ненависти, всё чаще регулируется международными правовыми инструментами. Так, статья 5(2) Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма запрещает как прямое подстрекательство к совершению террористических актов, так и косвенное восхваление (оправдание) таких актов.³²

Применение пропаганды в Украине

С самого начала войны в Украине в 2022 году предпринимались согласованные усилия по поднятию морального духа, в частности, посредством кампании в соцсетях с видеороликом, где закадровый голос говорит: «У мужества нет рецепта, кроме ацетона, полистирола, бензина и тряпки», сопровождаемым кадрами бросания коктейля Молотова.³³ Таким кампаниям присущи риски, особенно касательно их соответствия принципам международного гуманитарного права. Прославление насилия под видом патриотизма и храбрости может привести к тому, что гражданские лица будут напрямую втянуты в боевые действия, что меняет их правовой статус на комбатантов.

Эта модель поощрения украинскими властями пронизывает всю картину конфликта, поскольку стратегии коммуникации страны эволюционировали, наглядно демонстрируя доблесть простых украинцев, совершающих подвиг.³⁴ Однако существует шаткий баланс между укреплением морального духа и распространением пропаганды. Например, нарратив, получивший популярность в украинских соцсетях, повествует о подвигах неизвестного пилота, якобы сбивавшего российские истребители над Киевом — легенда о «Призраке Киева».³⁵ Этот нарратив был поддержан официальным украинским аккаунтом в сети X (ранее Twitter).³⁶ Позже оказалось, что «Призрак Киева» был выдумкой на основе видеоигры, полностью вымышленной.

³⁰ Brabandere, “Propaganda,” 511.

³¹ Brabandere, “Propaganda,” 512.

³² Brabandere, “Propaganda.”

³³ brave.ua, banda.agency (@brave.ua, @banda.agency), «У сміливості немає рецепту... Окрім 100 мг ацетону, пенопласт, бензин, ганчірка», Instagram video, April 15, 2022, https://www.instagram.com/brave.ua/p/CcXr7q-BoEe/?img_index=1.

³⁴ Morgan Meaker, “How Ukraine Is Winning the Propaganda War,” *Wired*, last modified June 13, 2022, <https://www.wired.com/story/ukraine-propaganda-war/>.

³⁵ Meaker, “How Ukraine Is Winning the Propaganda War.”

³⁶ “People call him the Ghost of Kyiv. And rightly so — this UAF ace dominates the skies over our capital and country, and has already become a nightmare for invading Russian aircrafts,” @Ukraine, February 27, 2022, <https://twitter.com/Ukraine/status/1497834538843660291>.

Украинские власти признали ложность этого нарратива лишь спустя два месяца.³⁷

Закономерно возникает вопрос: насколько гражданские лица могут участвовать в этих стратегических пропагандистских кампаниях, не участвуя напрямую в боевых действиях?

Пропаганда и международное право

Конфликт в Украине в первую очередь регулируется международным гуманитарным правом (МГП), которое служит *lex specialis* для международного правозащитного права. Этот принцип диктует, что МГП, или же право вооружённых конфликтов, имеет приоритет в применимости из-за своей специфики, а международное правозащитное право играет второстепенную роль.³⁸ В этой статье мы кратко рассмотрим два положения международного правозащитного права, касающихся пропаганды.³⁹

В нашем кратком исследовании, двумя инструментами международного правозащитного права являются Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах. В качестве отправной точки, свобода выражения охватывает свободу слова, свободу прессы и свободу информации. Преимущества обеспечения этих свобод включают подотчётность, свободный и безопасный обмен мнениями и содействие равенству.⁴⁰ Но при попытке отстоять эти свободы возникает ряд проблем. Так, различные толкования степени этих свобод привели к жарким дебатам о «культуре отмены» и «непредоставлении трибуны», которые стали центральными вопросами.⁴¹ Вытекающие отсюда параллели делают любую демократию уязвимой, в том числе к пропаганде.

Возвращаясь к международному правозащитному праву, статья 19 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами

³⁷ Meaker, “How Ukraine Is Winning the Propaganda War.”

³⁸ Public International Law and Policy Group, “Lex Specialis Derogat Generali: Simultaneous (Complementary) Applicability of International Humanitarian Law and Human Rights,” *PILPG*, June 9, 2023, www.publicinternationallawandpolicygroup.org/lawyer-ing-justice-blog/2023/6/9/lex-specialis-derogat-generalis-simultaneous-complementary-applicability-of-international-humanitarian-law-and-human-rights.

³⁹ Более глубокий анализ выходил бы за рамки этой статьи, поскольку она в первую очередь касается анализа МГП.

⁴⁰ Eleanor Brooks, “Why Is Freedom of Speech Important in a Democracy: 5 Reasons,” *Liberties*, April 1, 2022, <https://www.liberties.eu/en/stories/why-is-freedom-of-speech-important/44136>.

⁴¹ Thomas Brown, “Freedom of Speech: Challenges and the Role of Public, Private, and Civil Society Sectors in Upholding Rights,” *House of Lords Library (UK Parliament)*, December 3, 2021, <https://lordslibrary.parliament.uk/freedom-of-speech-challenges-and-the-role-of-public-private-and-civil-society-sectors-in-upholding-rights/>.

и независимо от государственных границ».⁴² С этим перекликается статья 19(2) Международного пакта о гражданских и политических правах.⁴³ Однако право на свободу мнения и выражения не абсолютно.⁴⁴ Оно может быть ограничено в исключительных случаях, например, когда слово используют для подстрекательства к насилию в отношении каких-то лиц.⁴⁵ Введение ограничений на свободу мнения и выражения остаётся спорным вопросом. В частности, в 2022 году несколько европейских стран ввели запрет на пропаганду российских государственных СМИ в отношении конфликта на Украине.⁴⁶ В результате телесеть RT France подала в суд на Евросоюз, объявив о нарушении свободы выражения.⁴⁷ Суд Европейского Союза поддержал запрет, сославшись на статью 20(1) Международного пакта о гражданских и политических правах, гласящую, что «всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом».⁴⁸ Однако точная сфера применения этого положения остаётся неясной, что побудило Специального докладчика ООН выступить за глобальную инициативу по уточнению его параметров.⁴⁹ Поэтому сохраняется правовая неопределённость относительно использования пропаганды и её масштаба в связи с международным правозащитным правом. Хотя Россия вышла из Совета Европы в марте 2022 года и больше не связана решениями Суда Евросоюза, оставшиеся члены по-прежнему обязаны выполнять решения Суда ЕС.

В целом международное правозащитное право предлагает потенциальное решение для нарушения положений об использовании пропаганды, в частности, на основе статьи 20(1) Международного пакта о гражданских и политических правах и юрисдикции международного правозащитного права. Теперь акцент смещается на МГП и его положения – или их отсутствие – в отношении пропаганды.

⁴² UN General Assembly, “Universal Declaration of Human Rights,” 217 (III) A, Paris, 1948, Art. 19, по состоянию на 3 марта 2024, www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/.

⁴³ UN General Assembly, “International Covenant on Civil and Political Rights,” adopted on December 16, 1966, by General Assembly Resolution 2200A (XXI), New York City, по состоянию на 3 марта 2024, Art. 19(2), <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights>.

⁴⁴ “What Is Freedom of Expression?” *Article 19*, по состоянию на 3 марта 2024, <https://www.article19.org/what-is-freedom-of-expression/>.

⁴⁵ “What Is Freedom of Expression?”

⁴⁶ Laura Kayali, “RT France Challenges EU Ban before Court,” *Politico*, March 8, 2022, <https://www.politico.eu/article/rt-france-challenges-eu-ban-before-court/>.

⁴⁷ Kayali, “RT France Challenges EU Ban before Court.”

⁴⁸ UN General Assembly, “International Covenant on Civil and Political Rights,” Art. 20(1).

⁴⁹ Irene Khan, “Disinformation and Freedom of Opinion and Expression during Armed Conflicts,” Report of the Special Rapporteur on the Promotion and Protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression, UN Doc. A/77/288 (UN General Assembly, August 12, 2022), Para 105, <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/459/30/pdf/n2245930.pdf>.

Как уже отмечалось, пропаганда прямо не запрещена МГП. Однако цифровые кампании дезинформации, которые можно отнести к пропаганде, всё чаще нацелены на гражданских лиц. В центре обсуждения находится вопрос о том, можно ли считать гражданских лиц, распространяющих пропаганду или дезинформацию, непосредственными участниками военных действий, что меняет их защищённый статус гражданских лиц на комбатантов.

Для полного разъяснения этих понятий нужно подробно остановиться на принципе различия, закреплённом в статье 48 Дополнительного протокола I. Этот принцип является основополагающей нормой МГП, прочно закреплённой в юриспруденции⁵⁰ и обычном международном гуманитарном праве.⁵¹ Согласно принципу различия, «стороны, находящиеся в конфликте, должны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а также между гражданскими объектами и военными объектами и соответственно направлять свои действия только против военных объектов».⁵²

Выделение гражданских лиц и гражданских объектов одновременно определяется негативным указанием на то, чем они не являются. Как указано в статье 50(1) Дополнительного протокола I (API), гражданское лицо определяется как «лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий лиц, указанных в статье 4 (A.1, A.2, A.3 и A.6) Третьей конвенции и в статье 43 настоящего Протокола, в случае сомнения относительно того, является ли какое-либо лицо гражданским лицом, оно считается гражданским лицом».⁵³

Разобравшись с МГП, обратим внимание на понятие непосредственного участия в военных действиях. Это понятие вытекает из фразы «непосредственно не принимают участия в военных действиях», по определению общей статьи 3 Женевских конвенций I–IV.⁵⁴ Аналогично определению гражданского лица, точного определения непосредственного участия в военных действиях не существует. Поэтому Международный комитет Красного креста (МККК) разработал «Руководство по толкованию понятия непосредственного участия в военных действиях в свете международного гуманитарного права».⁵⁵ В его контексте непосредственное участие в военных действиях «обозначает конкретные враждебные акты, совершённые отдельны-

⁵⁰ International Court of Justice, “Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons,” Advisory Opinion, *ICJ Reports* 1996, 226, 257, <https://www.icj-cij.org/case/95>.

⁵¹ Jean-Marie Henckaerts and Louise Doswald-Beck, *Customary International Humanitarian Law* (Cambridge University Press, 2005), 3, Rule 1, <https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/en/assets/files/other/customary-international-humanitarian-law-i-icrc-eng.pdf>.

⁵² ICRC, *Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949*, Art. 48.

⁵³ ICRC, *Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949*, Art. 50(1).

⁵⁴ ICRC, *Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949*, Art. 3.

⁵⁵ Nils Melzer, *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law* (Geneva, Switzerland: International Committee

ми лицами в рамках ведения военных действий между сторонами в вооружённом конфликте».⁵⁶ Чтобы определить применимость этого понятия в каждом конкретном случае, МККК разработал кумулятивный тройной тест.

А. Порог вреда

Этот порог требует выполнения двух отдельных условий. Нужно особо подчеркнуть, что этот порог требует не материализации вреда, но вероятного намерения действия, причиняющего вред.⁵⁷ Первое условие предусматривает, что конкретное действие должно «производить в качестве вероятного результата негативное воздействие на военные операции или военный потенциал стороны в конфликте».⁵⁸ Второе условие требует, чтобы конкретное действие причиняло «смерть, ранение или разрушение соответственно лиц или объектов, пользующихся защитой от непосредственного нападения».⁵⁹ Исходя из Таллиннского справочника, телесные повреждения включают «тяжкие душевные страдания»,⁶⁰ что впервые было установлено в деле «Прокурор против Крстича» Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ). Судебная палата разъяснила, что страдания и серьёзное душевное расстройство не обязательно должны быть «постоянными и непоправимыми», но должны выходить «за рамки временного несчастья, смущения или унижения... приводя к серьёзному и долгосрочному ущербу для способности человека вести нормальную конструктивную жизнь».⁶¹ Распространение материалов о вооружённом конфликте гражданскими организациями, такими, как радиостанции, или размещение гражданскими лицами сообщений в соцсетях напрямую связано с психологическим стрессом и посттравматическими симптомами.⁶² Следовательно, распространение пропаганды гражданскими лицами может превышать порог вреда.

of the Red Cross, May 2009), <https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/en/assets/files/other/icrc-002-0990.pdf>.

⁵⁶ Melzer, *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities*, 45.

⁵⁷ Melzer, *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities*, 47.

⁵⁸ Melzer, *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities*.

⁵⁹ Melzer, *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities*, 49.

⁶⁰ Schmitt, ed., *Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations*, Rule 30, Para 8.

⁶¹ United Nations, International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of Former Yugoslavia since 1991 (ICTY), “Prosecutor v. Radislav Krstic: Judgment,” Case No. IT-98-33-T, Trial Chamber, August 2, 2001, Para 245, <https://www.icty.org/x/cases/krstic/tjug/en/krs-tj010802e.pdf>.

⁶² Ayelet Pe’er and Michelle Slone, “Media Exposure to Armed Conflict: Dispositional Optimism and Self-Mastery Moderate Distress and Post-Traumatic Symptoms among Adolescents,” *International Journal of Environmental Research and Public Health* 19, no. 18, 11216 (September 2022), 9, <https://doi.org/10.3390/ijerph191811216>.

В. Непосредственная причинно-следственная связь

Второе условие тройного теста на прямое участие в военных действиях требует установления «непосредственной причинной связи между конкретным действием и вредом, который может стать вероятным результатом действия или скоординированной военной операции, составной частью которой является указанное действие».⁶³ Слово «непосредственной» предполагает возможность «опосредованной» связи. Последнее понятие в широком смысле охватывает общие военные усилия (например, действия, способствующие поражению противника) и поддержку военных усилий (например, политическая пропаганда в поддержку военных действий).⁶⁴ Хотя такие действия могут соответствовать порогу вреда, установление непосредственной причинно-следственной связи усложняется, поскольку вред должен быть нанесен одним причинно-следственным шагом.⁶⁵ Распространение пропаганды в соцсетях, вероятно, может причинить вред, например, серьёзные душевные страдания, без каких-либо дополнительных промежуточных шагов. Напротив, политическая пропаганда прежде всего служит для продолжения военных действий и не является прямой причиной вреда. При использовании политической пропаганды предполагаемый преступник просто «участвует» и «способствует» военным действиям, а не активно и напрямую причиняет вред противнику.⁶⁶ Применяя это второе условие к распространению пропаганды, становится очевидным, что прямая причинно-следственная связь находится в серой зоне и вряд ли будет полностью обнаружена.

С. Подстрекательство

Последнее условие предполагает подстрекательство, т.е. действие «специально предназначено для достижения установленного порога вреда и быть совершено в поддержку одной стороны в конфликте и во вред другой».⁶⁷ При рассмотрении события распространения пропаганды подстрекательство снова оказывается в серой зоне. Например, после вторжения России в Крым в 2014 году российская пропаганда изображала украинцев в унизи-тельном свете, сравнивая их со свиньями.⁶⁸ Такая тактика дегуманизации была, в частности, направлена на оправдание российской агрессии против

⁶³ Melzer, *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities*, 51.

⁶⁴ Melzer, *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities*.

⁶⁵ Melzer, *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities*, 53.

⁶⁶ ICRC, *Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949*, Commentary of 1987, Para 1944.

⁶⁷ Melzer, *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities*, 58.

⁶⁸ Hybrid Warfare Analytical Group, "How Dehumanization Works in Russian Propaganda," *Ukraine Crisis Media Center*, August 1, 2022, [https://uacrisis.org/en/deguma nizatsiya](https://uacrisis.org/en/degumanizatsiya).

Украины.⁶⁹ Это показывает, как Россия мобилизовала нацию против украинцев, но остаётся вопрос, соответствует ли непосредственно такая кампания, распространяемая гражданскими лицами, требуемому порогу вреда. Вероятно, что ответ на этот вопрос будет отрицательным.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что участие гражданских лиц в распространении пропаганды и то, означают ли такие действия непосредственное участие в военных действиях, остаётся под вопросом из-за двух основных факторов. Во-первых, отсутствие конкретных положений международного гуманитарного права (МГП), регулирующих пропаганду, вносит двусмысленность в отношении допустимого масштаба её использования. Во-вторых, тройной тест для определения непосредственного участия в военных действиях вряд ли будет полностью пройден в таких случаях, что добавляет неопределённости регулированию пропаганды в вооружённом конфликте. Несмотря на эту двусмысленность, пагубные последствия кампаний дезинформации и пропаганды неоспоримы. Такая тактика ведёт к разногласиям в обществе, с одной стороны, и усиливает геополитическую напряжённость, с другой, создавая благодатную почву для проблем, которые можно было бы решить с помощью законодательных мер. Серьёзность этой проблемы требует внимания международного сообщества, поскольку использование этой неопределённости для политической выгоды больше не может считаться допустимым или этичным.

Примечание

Мнения, выводы, заключения и рекомендации в данной публикации принадлежат автору и могут не отражать официальную политику или позицию Консорциума «Партнёрство ради мира», организаций-участниц и любых правительственных или международных организаций, связанных с его руководящими структурами.

Об авторе

Изабель Леттнер – бакалавр международного и европейского права Гаагского университета прикладных наук, специализируется в области международного уголовного и гуманитарного права. Во время написания этой статьи была интерном Европейского центра исследований в области безопасности им. Джорджа Маршалла, где занималась изучением борьбы с международной организованной преступностью и вопросами безопасности на Крайнем севере. *Электронная почта:* isabel.lettner611@gmail.com

⁶⁹ Hybrid Warfare Analytical Group, “How Dehumanization Works in Russian Propaganda.”

Библиография

- “Cyber Warfare,” Online Casebook (ICRC), по состоянию на 25 февраля 2024, https://casebook.icrc.org/a_to_z/glossary/cyber-warfare.
- “Powers of Persuasion,” National Archives Online Exhibits, по состоянию на 25 февраля 2024, <https://www.archives.gov/exhibits/powers-of-persuasion>.
- “We Want You!” Nabb Research Center Online Exhibit, по состоянию на 25 февраля 2024, <https://libapps.salisbury.edu/nabb-online/exhibits/show/propaganda/flag-waving/we-want-you->.
- Brooks, Eleanor, “Why Is Freedom of Speech Important in a Democracy: 5 Reasons,” *Liberties*, April 1, 2022, <https://www.liberties.eu/en/stories/why-is-freedom-of-speech-important/44136>.
- Brown, Thomas, “Freedom of Speech: Challenges and the Role of Public, Private, and Civil Society Sectors in Upholding Rights,” House of Lords Library (UK Parliament), December 3, 2021, <https://lordslibrary.parliament.uk/freedom-of-speech-challenges-and-the-role-of-public-private-and-civil-society-sectors-in-upholding-rights/>.
- De Brabandere, Eric, “Propaganda,” in *Max Planck Encyclopedia of Public International Law VIII*, ed. Rüdiger Wolfrum (November 2012), 507-519.
- Demeuse, Rodrigue, “The Russian War on Truth: Defending Allied and Partner Democracies against the Kremlin’s Disinformation Campaigns,” General Report (NATO Parliamentary Assembly, Committee on Democracy and Security, October 2023), <https://www.nato-pa.int/document/2023-russian-war-truth-report-garriaud-maylam-014-cds>.
- Digital Forensic Research Lab, “Undermining Ukraine: How Russia widened its global information war in 2023,” *Atlantic Council*, February 29, 2024, <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/report/undermining-ukraine-how-russia-widened-its-global-information-war-in-2023/>.
- Dodge, Raymond, “The Psychology of Propaganda,” *Religious Education* 15, no. 5 (1920): 241-252, <https://doi.org/10.1080/0034408200150502>.
- EuropeLibera, “Gazprom acuză Ucraina că fură gazele destinate Moldovei și amenință că va reduce livrările”, *Europa Libera*, 22 noiembrie 2022, <https://moldova.europalibera.org/a/gazprom-acuză-ucraina-că-fură-gazele-destinate-moldovei-și-amenință-că-va-reduce-livrările-/32142927.html>.
- Fridrichová, Kateřina, “Mugged by Reality: Russia’s Strategic Narratives and the War in Ukraine,” *Defense & Security Analysis* 39, no. 3 (2023.): 281-95, <https://doi.org/10.1080/14751798.2023.2201018>, 281.
- Henckaerts, Jean-Marie, and Louise Doswald-Beck, Customary International Humanitarian Law (Cambridge University Press, 2005), 3, Rule 1, www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/en/assets/files/other/customary-international-humanitarian-law-i-icrc-eng.pdf.

- Hybrid Warfare Analytical Group, "How Dehumanization Works in Russian Propaganda," Ukraine Crisis Media Center, August 1, 2022, <https://uacrisis.org/en/dehumanizatsiya>.
- INSCOP, "Capitolul 4: Dezinformare, propagandă, știri false, încrederea în surse de informații", *INSCOP Research*, 31 martie 2021, <https://www.inscop.ro/31-martie-2021-capitolul-4-dezinformare-propaganda-stiri-false-increderea-in-surse-de-informatii/>.
- International Center for Not-For-Profit Law, "Legal Responses to Disinformation," ICNL, по состоянию на 25 февраля 2024, <https://www.icnl.org/wp-content/uploads/2021.03-Disinformation-Policy-Prospectus-final.pdf>.
- International Committee of the Red Cross (ICRC), *Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and Relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol 1) [AP I]*, adopted June 8, 1977, 1125 UNTS 3, entered into force December 7, 1978, https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/en/assets/files/other/icrc_002_0321.pdf.
- International Court of Justice, "Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons," Advisory Opinion, ICJ Reports 1996, 226, 257, <https://www.icj-cij.org/case/95>.
- Kayali, Laura, "RT France Challenges EU Ban before Court," Politico, March 8, 2022, <https://www.politico.eu/article/rt-france-challenges-eu-ban-before-court/>.
- Khan, Irene, "Disinformation and Freedom of Opinion and Expression during Armed Conflicts," Report of the Special Rapporteur on the Promotion and Protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression, UN Doc. A/77/288 (UN General Assembly, August 12, 2022), Para 105, <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/459/30/pdf/n2245930.pdf>.
- Laskin, Alexander V., "Defining Propaganda: A Psychoanalytic Perspective," *Communication and the Public* 4, no. 4 (December 2019): 305-314, <https://doi.org/10.1177/2057047319896488>.
- Margolin, Leo J., *Paper Bullets: Psychological Warfare in World War II* (Barajima, Japan: Barajima Books, 2020).
- Meaker, Morgan, "How Ukraine Is Winning the Propaganda War," *Wired*, last modified June 13, 2022, <https://www.wired.com/story/ukraine-propaganda-war/>.
- Melzer, Nils, *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law* (Geneva, Switzerland: International Committee of the Red Cross, May 2009), <https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/en/assets/files/other/icrc-002-0990.pdf>.
- Pe'er, Ayelet, and Michelle Slone, "Media Exposure to Armed Conflict: Dispositional Optimism and Self-Mastery Moderate Distress and Post-Traumatic Symptoms among Adolescents," *International Journal of Environmental Research and Public Health* 19, no. 18, 11216 (September 2022), <https://doi.org/10.3390/ijerph191811216>.

- Public International Law and Policy Group, “Lex Specialis Derogat Generali: Simultaneous (Complementary) Applicability of International Humanitarian Law and Human Rights,” PILPG, June 9, 2023, <https://www.publicinternationallawandpolicygroup.org/lawyer-ing-justice-blog/2023/6/9/lex-specialis-derogat-general-i-simultaneous-complementary-applicability-of-international-humanitarian-law-and-human-rights>.
- Schmitt, Michael N., ed., *Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations* (Cambridge University Press, 2017).
- U.S. Department of Defense, “Psychological Operations,” Joint Publication 3-13.2, January 7, 2010, <https://irp.fas.org/doddir/dod/jp3-13-2.pdf>.
- UN General Assembly, “International Covenant on Civil and Political Rights,” adopted on December 16, 1966, by General Assembly Resolution 2200A (XXI), New York City, Art. 19(2), <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights>.
- UN General Assembly, “Universal Declaration of Human Rights,” 217 (III) A, Paris, 1948, Art. 19, <http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/>.
- United Nations, International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of Former Yugoslavia since 1991 (ICTY), “Prosecutor v. Radislav Krstic: Judgment,” Case No. IT-98-33-T, Trial Chamber, August 2, 2001, Para 245, <https://www.icty.org/x/cases/krstic/tjug/en/krs-tj010802e.pdf>.